

Да радость Моя в вас
пребудет и радость ваша
будет совершенна.

Ин. 15, 11

православная газета для молодежи

№ 1 (61)

январь 2011

ВЕРА МОЛОДЫХ

Издается по благословению митрополита Калужского и Боровского Климента

«ВЕРА МОЛОДЫХ» –
газета для всех.
Мы не преследуем цели
обращения неверующих
или наставления
заблудших. Мы хотим
поговорить о том, что
никогда не потеряет
своей ценности: о добре
и зле, о жизни и смерти,
о любви, дружбе и
одиночестве. И о многом
другом. Делитесь с
нами своими идеями и
предложениями, ведь
«Вера молодых» – это
разговор о том, что
тревожит и волнует вас.

Вехи Рождества.

Экскурс в историю.

стр. 2

**Дерево
Младенца Христа.**

Истоки обычая.

стр. 2

Облик вечности.

Как выглядел Христос?

стр. 3

За пределом.

От первого лица.

стр. 4-5

**Археология
виртуальности.**

*Компьютерные технологии
и человек.*

стр. 6

**Наша сказка для
Рождества.**

Под лупой «Терминал».

стр. 7

**Вризони, паром
и радуга.**

Православная Греция.

стр. 8

В эти дни свет Вифлеемской
звезды достигает наших
сердец, до нашего слуха
доносится ангельское пение:
«Слава в вышних Богу!», и
мы соприкасаемся с великим
событием — пришествием на
землю Сына Божия.

С РОЖДЕСТВОМ ХРИСТОВЫМ И НОВОЛЕТИЕМ!

Пришествие в мир
Бога должно коснуться
души каждого из нас.
Сам Творец открывает
нам объятия, желая
всех соединить с Собой.
К стяжанию Царства
Божия приглашено все
человечество!

Вновь мы вступаем в новый год. И как
всегда в эти первые дни января мы с на-
деждой смотрим в будущее, строим планы.
Нам хочется видеть наш мир детскими
глазами — таким, каким его сотворил
Бог — без греха, войн, смерти и несчастий,
добрым и наполненным любовью. Но именно
воля человека сделала его другим — миром,
где властвует грех, проявляется насилие,
где зло порождает новое зло. И в этот мир
греха более двадцати веков назад вступил
Богomладенец Христос. Человечество никог-
да бы не заслужило этой Встречи. Только
по любви Божией к Своему созданию было
суждено Пречистой Деве Марии родить

Сына, Который избавил человека от греха и
вечной смерти.

В эти Святые дни у каждого есть воз-
можность проявить жертвенную любовь
к родным, близким, соседям. Не забудем
подарить радость и тем, кто, возможно,
лишен всякой помощи и поддержки — сирот-
там, инвалидам, нуждающимся,
обездоленным, находящимся в заключении.
Ведь не только ради нашего, но и ради их
спасения воплотился Христос.

Из Рождественского послания
митрополита Калужского и Боровского
КЛИМЕНТА.

Храм и его росписи – это книга, наполненная символами, которые надо уметь прочесть. Читать надо сверху вниз, ибо храм приходит сверху, с неба. Верхняя его часть называется «небо», а нижняя – «земля». Небо и земля – составляют космос. В котором можно увидеть звезды. Так что же означают звезды, которые мы видим в православном храме?

НЕБО
НА
ЗЕМЛЕ

Звезда – один из древнейших символов вечности, высоких стремлений и счастья. В преддверие Рождества Христова интересно будет узнать о восьмилучевой звезде, которую христиане называют Вифлеемской, Рождественской и звездой Волхвов. Число 8 в Православии имеет значение будущего века, так как после шести «дней» творения Богом мира и до Страшного суда длится седьмой «день» – Господень. После Страшного суда будет «день» восьмой – жизнь вечная.

Изображение восьмиконечной звезды напоминает ту звезду, которая зажглась на небе над Вифлеемом, когда родился Спаситель мира – Иисус Христос. Вифлеемская звезда указала путь к младенцу Христу волхам, которые пришли в Иерусалим с востока поклониться Ему.

Евангельский рассказ о необыкновенной звезде, взойшедшей над Вифлеемом, уже более 2000 лет волнует человечество. В древние времена появление или исчезновение звезды связывалось с рождением или смертью великого человека, именно от таких представлений сохранились устойчивые выражения «взошла звезда» и «погасла звезда». Поэтому для христиан Рождественская звезда не просто яркий и красивый образ – это символ грядущего Христа.

Также восьмиконечная звезда – символ Пресвятой Богородицы, потому что Царица Небесная является путеводной звездой к Небесному Отечеству.

Алена КОНОВАЛОВА.

ВЕХИ РОЖДЕСТВА

КОГДА И КАК УСТАНОВИЛСЯ ПРАЗДНИК РОЖДЕСТВА ХРИСТОВА?

Древние иудеи не праздновали день рождения человека. Они считали, что рождение есть начало трудного, часто скорбного жизненного пути, сопряженного по большей части со всевозможными лишениями и тяготами и неизбежно заканчивающегося старостью и смертью. Что же тут праздновать? Поэтому вышедшие из этой среды первые христиане, скорее всего, тоже не отмечали Рождество Христово как таковое. Во всяком случае, первые два столетия истории христианской Церкви молчат о Рождестве. По мнению некоторых исследователей, в это время у христиан вообще практически не было праздников, точнее, для них праздником являлось каждое воскресенье, когда они собирались всей общиной на богослужение, чтобы вспомнить о Великой Жертве Христа.

По мере того как большинство христиан стали составлять не евреи, а греки и римляне, в христианской Церкви возобладала иные тенденции. Около 200 года н.э. Климент Александрийский упоминает в своих произведениях о том, что христиане празднуют Рождество Христово вместе с Крещением Господним в один день – 6 января. До сих пор эта практика сохраняется в армянской Церкви, которая отмечает в этот день оба праздника под общим названием Богоявление.

В III веке о празднике Рождества Христова, как о бывшем прежде, упоминает святой Ипполит Римский, назначая в этот день чтение 1 главы из Евангелия от Матфея. Известно, что во время гонения христиан императором Максимианом в 302 году, никомидийские христиане в самый праздник Рождества Христова сожжены были в храме в числе 20000 человек.

Впервые упоминание в письменных источниках Рождества как отдельного праздника встречается в 336 году н.э. в «Календаре Филокала». На первом месте в списке епископов и мучеников указано: 25 декабря – родился Христос из Вифлема Иудейского.

Существуют разные мнения, почему были выбраны именно это число и месяц. Одно из объяснений такое: месяц и день смерти Христа точно известен из Евангелия, а по распространенному уже в Раннее Средневековье церковному преданию, Христос должен был находиться

на земле полное число лет. В иудейской же традиции жизнь человека начиналась с момента зачатия. Значит, Христос был зачат в тот же день, в который пострадал – в еврейскую Пасху, которая в тот год приходилась на 25 марта. Отсчитав от нее 9 месяцев, и получили дату рождения Христа – 25 декабря.

Постепенно празднование Рождества Христова распространилось по всему христианскому миру. Иоанн Златоуст первый ввел этот праздник в Антиохии в 386 или 387 году. О повсеместном почитании Рождества свидетельствуют поучения отцов Церкви IV века – Ефрема Сирина, Василия Великого, Григория Богослова, Григория Нисского, Иоанна Златоуста, написанные на этот день.

Окончательно узаконено празднование Рождества было на Эфесском соборе в 431 году. Кодексами императоров Феодосия (438 г.) и Юстиниана (535 г.) Рождество было установлено в качестве государственного праздника Римской империи (и ее наследницы – Византии).

Долгое время, даже несмотря на последовавший в 1054 году раскол Церкви, и на православном Востоке, и на католическом Западе Рождество праздновалось в один и тот же день – 25 декабря. Но последовавшая в XVI столетии в Европе календарная реформа папы Григория XVI установила разрыв между православным и католическим Рождеством, который в наше время составил 13 дней. До начала

XX века Европа и Россия жили по разным календарям, поэтому Рождество Христово и те и другие отмечали 25 декабря, но этот день приходился на разное время.

В 1918 году Советское государство приняло решение перейти на григорианский календарь, тем самым превратив старое, юлианское 25 декабря в 7 января. Но Русская Православная Церковь продолжает отмечать свои праздники по старому, юлианскому стилю.

В разные исторические периоды предпринимались попытки уничтожить праздник Рождества Христова. Первыми это попытались сделать английские протестанты в колонии Новая Англия в XVII веке, видя в нем пережиток ненавистного католичества. В этот день запрещалось отпрашиваться с работы, петь и устраивать совместные трапезы.

На протяжении всего периода власти большевиков Рождество, естественно, не являлось государственным праздником. Преследовались даже праздничные елки, бывшие на протяжении столетий атрибутом именно рождественских дней. И только в декабре 1990 года Верховный Совет РСФСР издал постановление, объявляющее православный праздник Рождества Христова нерабочим днем. Однако в некоторых республиках РСФСР, например, в Татарской АССР, это постановление было проигнорировано.

Попытки гонений на Рождество предпринимались и сейчас. На западе, да и в России, где праздник является государственным, все чаще раздаются выступления тех, кто считает это нарушением принципа отделения Церкви от государства. В США общественный деятель и атеист Ричард Столлман предложил отмечать 25 декабря день рождения Исаака Ньютона, признанного символом торжества человеческой мысли. Очевидно, забывая, что сам Исаак Ньютон был верным христианином...

Что-ж... Как показывает история, запретить празднование Рождества можно. Только все такие запреты рано или поздно теряют свою силу и подвергаются заслуженному забвению. Ведь изгнать из мира Рождество, это все равно, что попытаться изгнать из мира Христа.

Станислав ПАВЛОВ.

К СЛОВУ

ДЕРЕВО МЛАДЕНЦА ХРИСТА

Обычай ставить в домах елки в праздник Рождества Христова зародился в 754 году и связан с именем апостола Германии святого Бонифация.

Проповедуя среди язычников и рассказывая им о Рождестве Христовом, святой срубил дуб, посвященный богу грома Тору, чтобы показать язычникам, насколько бессильны были их боги. Дуб, падая, повалил несколько деревьев, кроме ели. Святой Бонифаций назвал ель деревом Младенца Христа. Сначала ель ставилась в праздник Рождества Христова без украше-

ний, так как сама, стройная, красивая, источающая густой приятный запах, была украшением дома. А вот обычай наряжать елки появилась после Реформации в протестантских странах.

В России устанавливать праздничные елки начали во времена правления Петра I. Вместе с новым указом в 1699 году «О перенесении празднования нового года с 1 сентября на 1 января» первый всероссийский император повелел в день празднования украсить дома сосновыми, еловыми и

можжевельновыми ветвями и в знак веселья обязательно поздравлять друг друга с новым годом. Правда, введенный Петром I обычай приживался с трудом. Еще в начале XIX века елки ставились только в домах петербургских немцев. Только к концу XIX столетия елка стала повсеместным украшением в России. А сейчас мы даже представить себе не можем празднование рождественских каникул без пушистой нарядной елочки.

Алена КОНОВАЛОВА.

Компьютерные художники из британской Studio Macbeth заявили, что ими воссоздано настоящее лицо Христа. Изображение было получено цифровой обработкой информации, содержащейся на Туринской плащанице, в том числе крови, и переработкой этих данных в 3D-формат.

По словам исследователей, получившийся результат для многих окажется неожиданностью. Потому что не совпадает не только с традиционной иконографией Христа, но и с «прорисовкой» Его Лица, уже выполнявшейся с той же самой плащаницы.

«Христос был очень смуглым, его лицо сильно отличается от того, как его изображали художники эпохи Возрождения», – так утверждает ведущий художник проекта Рэй Даунинг.

ОБЛИК ВЕЧНОСТИ

ВАЖНО ЛИ ЗНАТЬ, КАК ВЫГЛЯДЕЛ ХРИСТОС?

3D ПРОТИВ ИКОНЫ

Я видел то, что получилось у британцев.

На экране компьютера лицо с характерными чертами еврея или араба: черные волосы, борода и т. д. Ничего особенного – обычный человек. Только очень сильно изможденный, с запавшими щеками, заострившимся носом, пятнами крови на лице. Они говорят, что так выглядел Спаситель...

От самых первых, катакомбных веков христианства тысячи людей мечтали об этом – увидеть Лик Христа. Церковь на основе сохранившихся свидетельств создала определенный канон Его изображения.

На иконах Иисуса живописали высоким светлокожим молодым мужчиной европейского вида, с бородой и длинными волосами, обычно русого или темно-русого цвета. Существуют изображения Спасителя и со светлыми волосами («Спас Златые Власы»). Мастера Возрождения и подражавшие им европейские и русские художники последующих

веков, отказавшись от средневековой иконописи в пользу реалистической живописи, тем не менее, продолжали изображать Иисуса в той же традиции. И вот, пожалуйста – компьютеры, 3D, английские художники...

ЛИЦО ВОИНА

Сомнения в научной достоверности результатов, полученных Studio Macbeth, возникли почти сразу и повсеместно. Кто-то уже открыто предположил, что островитяне таким образом просто поднимают шумиху для рекламы своей студии. Кто-то высказал мнение, что осуществляется определенный «заказ» – специально представить Христа в облике обывающего, ничем не примечательного семита: мол, политкорректность и все такое... А кто-то...

Да стоит ли вообще поднимать шум? Пусть ученые, историки и археологи, художники и программисты спорят, есть ли ошибки в воссозданном английской студией виртуальном образе или нет.

А мы взглянем на эту историю с точки зрения христианина.

Зададим себе вопрос: так ли нам важно, как именно внешне выглядел Христос?

Христос родился на этой грешной земле не для того, чтобы занять земные троны, и не для того, чтобы Ему рукоплескала восхищенная толпа (толпа сегодня рукоплещет, а завтра: «Распни Его!»). Бог сошел на землю, чтобы пострадать. Эта обычная, слабая человеческая плоть должна была быть избита плетями и палками, испытать голод и жажду, а в конце – крест...

Приятный облик нужен артисту или правителю. Почему – понятно: им нужно очаровывать людей. Антихрист – вот кто уж точно будет обладать модельной внешностью. Но ведь Христос пришел не очаровывать. Он пришел бросить вызов миру, лежащему во власти Врага.

Спаситель, по сути, призвал всех верующих в Него к войне с дьяволом. «Не мир пришел Я принести

на землю, но меч...» Иисус Христос – не суперзвезда (да простят меня авторы известного мюзикла). Он – Воин и Господин воинов. А зачем воину красивое лицо?

Воин – это шрамы, это высушенная ветрами, обмороженная стужей кожа, это загрубевшие, измозоленные руки... Воину некогда прихорашиваться. Особенно если его война длится всегда, всю жизнь, и до самой смерти не будет в ней ни минуты передышки.

В НЕБРОСКОЙ «УПАКОВКЕ»

Мысль о том, что великая духовная сила и мужество человека могут быть упрятаны в весьма неброскую «упаковку», пронизывает христианство с первых веков его существования. В частности, именно на этом основывается такое явление, как юродство – когда человек добровольно унижает себя перед другими, при этом являясь, может быть, высокодухов-

ной личностью, которая рождается раз в столетие. Но поверхностный взгляд стороннего человека видит только грязное, изможденное, едва прикрытое лохмотьями тело безумного нищего...

В конце концов, наша плоть сгниет в земле. А там, за гранью времен, на Последнем Суде, мы, воскресшие, обретем новые тела с совсем уже иными свойствами. Так учит Церковь. «Не все мы умрем, но все изменимся...» – утешает апостол.

Почему утешает? А вот как раз потому, что все наши болезни, немощи, уродства и телесные недостатки, дряхлость и старость в том новом, грядущем веке просто исчезнут – и мы преобразимся. Пример такого преобразования в свое время явил Сам Христос. Помните?

«По прошествии дней шести взял Иисус Петра, Иакова и Иоанна, брата его, и возвел их на гору высокую одних,

И преобразился пред ними: и просияло лицо Его как солнце, одежды же Его сделались белыми как свет» (Мф. 17, 1-2).

Какое красивое сравнение – как свет...

И это преобразование Иисуса было настолько неожиданным и прекрасным, что Его ученики упали ничком от страха и благоговения. настолько велик был контраст между тем Учителем, которого они привыкли видеть ежедневно рядом с собой в его обычном, земном, может быть, даже и неприметном облике, и тем, что они увидели там, на горе Фавор.

Так какое нам должно быть дело до того, как выглядел в своей земной жизни Иисус Христос? Да ровно никакого. Он мог быть высоким или низкорослым, красивым или не-

взрачным – не в этом дело. Он Бог, а значит – Сама Вечность. Какая разница, какую форму может на время принять Вечность?

А для нас главное – это сподобиться хотя бы краешком прикоснуться к великому чуду Преображения, явленному нам Спасителем. Сделать себя доступными для воздействия Божественной благодати, которая только одна и может сделать нас причастными подлинной, небесной Жизни и преобразить сначала нашу душу, а потом и тело. Навсегда. Для Вечности.

БЕРЮ МИКЕЛАНДЖЕЛО

А между прочим, по результатам ис-

следования Туринской плащаницы, авторитетные ученые пришли к выводу, что в земной жизни Иисус Христос обладал ростом на голову выше среднестатистического обитателя тогдашней Палестины. «Когда Иисус шел среди учеников, его было видно отовсюду. И даже сияющий Христос был выше остальных...» – утверждают серьезные исследователи. Так что реальный Христос – это совсем не ветром колеблемый булгаковский Га-Ноцри.

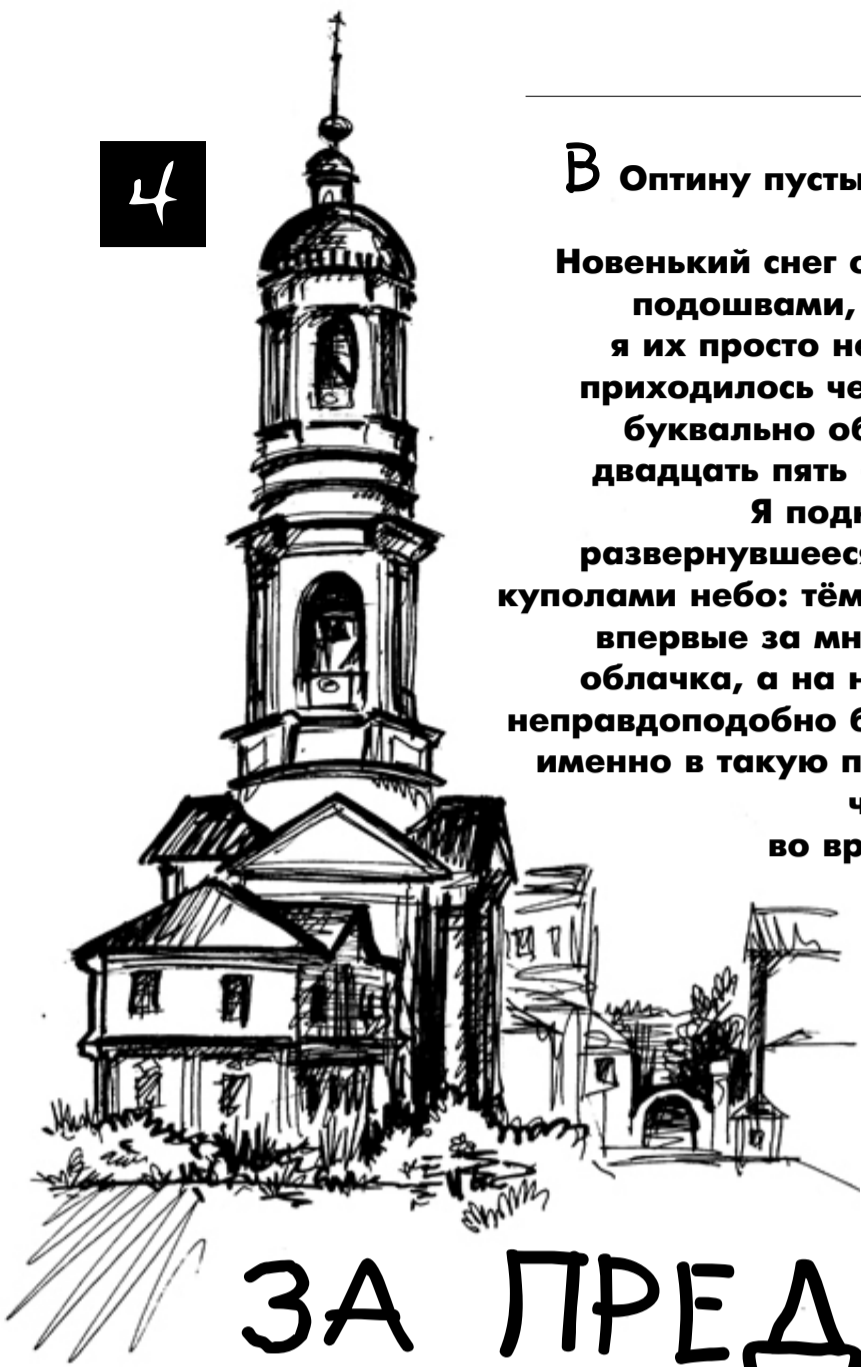
А наиболее близким к облику Спасителя, сохранившемуся на ткани Плащаницы (тому, который был воссоздан ранее, до британских художников с их 3D-технологиями) оказался... Христос со скульптуры работы Микеланджело, которая находится в базилике Святого Петра в Ватикане.

Лично мне как-то приятнее думать, что прав был все-таки гений Возрождения, а не современные компьютеры.

Павел ЛЕВОЧКИН.

В.Д. Поленов. «На Тиверийском (Генисаретском) озере», 1888. Цикл «Из жизни Христа».

ЗА ПРЕДЕЛОМ

ОПЫТ ОДНОГО КОРОТКОГО ПАЛОМНИЧЕСТВА

В Оптину пустынь я пришёл вместе с морозами. Новенький снег отчаянно скрипел под подошвами, щёки уже не горели, а их просто не чувствовал. Дышать приходилось через ладошку, воздух буквально обжигал лёгкие. Минус двадцать пять - не смертельно, но... Я поднял голову - и увидел развернувшееся над монастырскими куполами небо: тёмное, морозно-чистое, впервые за много дней без единого облачка, а на нём огромные, просто неправдоподобно большие звёзды. «Вот именно в такую погоду и нужно ехать, чтобы увидеть Оптину во время Рождественского поста», - понял я. И, поёжившись, быстро зашагал к главным воротам монастыря. В храме шло всенощное бдение...

ЛЕГКИЕ ПОДВИГИ

Если бы дома, в Калуге, кто-нибудь мне сказал, что в два часа ночи надо будет встать и идти в храм... я бы, скорее всего, не пошел. Всегда можно найти тысячу оправданий. Вон какой мороз на улице...

Однако здесь такое предложение почему-то не вызвало у меня ни малейшего замешательства. Это было настолько само собою разумеющимся, что я ни секунды не сомневался, что в два часа ночи я проснусь, вылезу из теплой постели и по морозу пойду на монастырскую полунощницу, в скит. И даже мысли не возникнет остаться.

«Полунощница» в Оптиной — это с двух ночи до пяти утра. Храм полностью погружен в темноту, только по углам горят редкие свечи. Монахи и трудники, как черные тени, неподвижно стоят вдоль стен. Изредка крестятся, бесшумно кладут поклоны. Кое-кто молится сидя, у многих больные ноги, трудно долго стоять. Но и они будут в храме до конца - не выстоять службу, так высиживать.

Негромкое, плавное течение молитвы прерывается. Один за другим мы гуськом посолонь (по солнцу то есть, слева направо) проходим вдоль стен храма, прикладываясь к иконам. Стараюсь внимательно следить за идущими впереди меня и в точности повторять то, что делают они. Все-таки я тут новенький.

Удивительный ритуал, в других местах такого не встречал: все, присутствующие на службе, по очереди подходят к стоящим в ряд посреди храма иеромонахам и берут у них благословение. А потом так же, по очереди, кланяются друг другу в пояс, пожимают руку и целуют в плечо. То есть, как я понял, просят за все прощения и уверяют в своей дружбе и братстве.

А взаимный поцелуй в плечо при рукопожатии я встречал еще только у казаков. У

них это объяснялось так: ты веришь, что тот, с кем ты здороваешься, подставит тебе это самое плечо в трудную для тебя минуту. Интересно, здесь смысл в том же? Почему бы и нет?

Кажется, все, конец службы, ан-нет, разве что середина. Но я, на удивление, совсем не устал. В городском храме уже наверняка бы утомился, а тут...

А тут, прикорнув на несколько часов, потом встаешь и идешь в храм опять, уже на Литургию. С удивительной легкостью. Нигде и никогда не вставалось мне из постели так легко, и никогда так бодро не ходило в церковь: хоть на утреннюю службу, хоть на вечернюю, хоть на полунощницу, как в эти монастырские дни. Если бы это рассказал мне кто-то другой — может, я ему и не поверил бы, но кому тут не верить — себе, Оптиной или Богу?

Кажется, я чуть-чуть понял, как удается монахам и живущим при монастыре трудникам совмещать тяжелый труд и ежедневные службы в храме, долгие молитвы. Здесь что-то как будто подталкивает тебя вверх, выше самой верхней «планки» твоих возможностей. И ты пересекаешь свой «предел невозможности» с удивительной легкостью.

Кажется, у Святых Отцов это называется благодатью...

ИСПЫТАНО НА СЕБЕ

НЕ СПЕШИТЬ

Чтобы прочувствовать оптинское богослужение, надо тут, при монастыре, пожить. Если вы приехали сюда в надежде сразу просветлиться и немедленно воспарить, то можете разочароваться. Обидитесь, уедете и будете рассказывать знакомым, что ничего нет в этой Оптиной такого особенного. Так что лучше не спешить.

Первое, что бросилось мне в глаза на моей первой здешней вечерней службе — чуть ли не половина женщин, стоящих в храме, были... сидящими в храме. Все скамеечки вдоль стен были

заняты, и многие усаживались на маленькие складные стульчики, которые, видимо, принесли с собой. «Ну вот, — подумал во мне кто-то гадкий и злорадный, — сидят во время службы! Прямо как католики какие-то. А еще монастырь!»

И только через несколько дней понимаешь, что это такое — оптинское богослужение. Когда узнаешь, как живут и трудятся здесь эти женщины в платочках, эти мужички в рабочей одежде. Короче говоря — паломники. Или, как их еще называют, трудники. От слова «труд».

Кто-то из них восстанавливает храм, таская на лютом морозе огромные бревна... Кто-то готовит еду на десятки, сотни голодных, крепко поработавших на морозе людей. Кто-то заготавливает, рубит, пилит дрова - никаких теплоцентралей здесь нет, Оптину греют собственные котлы, установленные в каждом корпусе. И кто-то, чтобы другие могли спокойно поспать в тепле, должен по полночи эти котлы разогревать. И все равно к утру батареи начинают остывать, и стараешься поглубже залезть под теплое одеяло.

Но вот звонят колокола, и им всем пора идти на Литургию. В принципе, можно, конечно, и не ходить, перевернуться на другой бок и выкроить еще часик-другой сна. Никто тебя палкой на службу не погонит. Может быть, просто

посмотрят с удивлением: «Для чего ты здесь, друг?»

А вечером — снова служба, та, на которую я и попал в первый свой вечер в Оптиной. Я - после пяти минут легкой пробежки по морозу, а они — после многих часов работы. Они идут сюда, многие без ужина (для второй смены ужин — после службы), и женщины с усталыми лицами приносят с собой складные стульчики, потому что ноги гудят, а на лавке всем места не хватит.

И многие так живут месяцами. Кажется, за пределом возможности для человеческих сил.

На второй день оптинской жизни гаденький, злорадный кто-то во мне заткнулся. Совсем.

ОПТИНСКИЕ ПАРТИЗАНЫ

«Не хлебом единым жив человек...» - все верно. Но и хлебом все-таки тоже. Обед в оптинской трапезной для паломников-трудников - зрелище запоминающееся.

Близко рассмотреть и изучить тех, кто живет и трудится при Оптиной, получается только здесь. Можно, конечно, и в храме, но... нельзя. Не для того они идут в храм, чтобы их там изучали. Не для того и я. А в трапезной никаких проблем нет. Тем более, по тому, как человек ест, о нем уже можно сказать многое.

Трапезная заполнена до отказа, людей столько, что обедать приходится в две смены. Быстро, но без суеты народ выстраивается вдоль столов, поют «Отче наш». Здесь собраны вместе и мужчины, и женщины, но основной контингент все-таки мужики. И совсем юнцы с пушком на подбородке, и зрелые дяди с окладистыми бородами, и пожилые, у которых бороды уже прострочены сединой.

Борода здесь есть почти у всех мужчин, словно обязательный знак принадлежности к этому примонастырскому братству. Кажется, что попал в большой партизанский отряд, только что вышедший из густых козель-

ских лесов и остановившийся в Оптиной на дневной отдых. Это впечатление только усиливается оттого, что большинство людей одето по-рабочему: застиранные свитера, камуфляжные куртки - все это поношенное, но чистое и опрятное.

Едят «партизаны» быстро, аккуратно, по-деловому - ложки бодро звякают по дну мисок. На столе нехитрая снедь Рождественского поста: салат из овощей, гречка и крупная разваренная перловка. Удивительно простой и вкусный обед, «улетающий» в один миг.

Чудеса за чудесами: ну где вы еще в мире встретите вкусную перловку? Я вот не встречал, кроме той, что ел здесь.

А на самом деле, все просто. Эти люди прибыли сюда добровольно - молиться и работать. Они трудились несколько часов, многие на жгучем холоде, и теперь, в эти полчаса времени, в теплом помещении, после искренней молитвы, едят то, что приготовили для них с молитвой и любовью такие же люди, как и они сами. Ну и как такой обед может быть невкусным?

Добродушной наевшейся толпой мы вываливаемся на мороз. Навстречу, в довершение моих партизанских впечатлений, цокает копытами лошадь, запряженная в телегу. Огромный тяжеловоз (такие в прошлом таскали пушки) прет прямо на меня. Почтительно уступаю ему дорогу, в то время как рука сама тянется за фотоаппаратом. Один из сидящих на телеге работяг в этот момент... тоже вытаскивает «фотик» и щелкает прямо над ухом возницы. «Ну ты прямо как журналист какой-то!» - возмущенно бурчит в бороду матерый мужик: «Ни стыда, ни совести!»

Задумчиво дожевываю засунутый в карман ломоть хлеба - настоящего, оптинского, который трудники и монахи выпекают здесь своими руками. Когда еще доведется вновь попробовать такой вкусный хлеб?

«БОЛЯЧКИ»

Здесь паломники и, тем паче, монахи стремятся к чему угодно, но только не к известности. Поговорить в принципе не отказывался никто, но общей просьбой было одно: не называть в будущей статье ничьих имен. Дело не в том, что кто-то чего-то боялся, просто... не хотели и все.

Свободно называли имена только тех, кто умер, - их уже можно. Вот одна история из многих, услышанных мною о здешних запредельных людях. Точнее, об одной рабе Божьей, страдальце Варваре.

Варвара (в миру - Ираида) приехала в Оптину как паломница в начале двухтысячных. Приговор свой - рак груди - она уже знала. Поселилась в домике у стен монастыря. Все, кто ее помнит, говорят о ней примерно одно и то же - самоотверженная. У ее дверей постоянно толпились нищие, добравшиеся досюда даже из Козельска (километров десять). Она не отказывала в помощи никому. Сама говорила: «Заходите, я вам всегда хоть что-нибудь дам!». Благо, было что давать - в Москве она оставила прибыль-

ный бизнес и издававшийся на ее средства популярный среди строителей-профессионалов журнал «Строн». Она отказалась от всего, а деньги вложила в них, в бедных и страдающих - в Царство Небесное.

За три года до смерти Варвара приняла тайное монашество. На службы ходила в обычной одежде (ходила, пока могла, - последний год она уже почти не могла самостоятельно передвигаться). Испытывала страшные боли: грудь фактически гнила заживо, Варвара почти не могла дышать. «Дайте мне дышать, а боль пусть будет хоть какая», - говорила она. «Это было непрестанное вкушение смерти, она задыхалась 24 часа в сутки, каждый день», - вспоминают о ней монахи и местные старожилы.

На Пасху 2008 года паломницы отвели Варвару в храм. Она исповедалась, причастилась, дома разговелась, раздала подругам подарки. Те посидели около часа и начали расходиться. Внезапно хозяйка попросила сделать ей укол - ей опять стало плохо. И вдруг упала...

Я видел фото, сделанное минут за восемь до ее смерти. Широкое, полное лицо пожилой русской женщины в старомодных очках - их таких сколько угодно на лавочках у подъездов. Но улыбка... Она как будто знает, что сейчас умрет - умрет на Пасху.

«Она научила нас терпеть наши болячки», - говорят теперь оптинские монахи. Так и произносят пренебрежительно «болячки», хотя многих обычных людей такие «болячки» повергли бы в ужас и отчаяние. А здесь не только монахи, но простые трудники относятся к своим немощам и болезням с таким святым «пофигизмом» и улыбкой, что становится просто страшно.

И интересно - как им это удается? Видимо, вот так: учатся друг у друга. Но, как оказалось, дело не только в этом...

ПРИЗНАНИЕ ПАЛОМНИКА

«...Сам я провел год в больнице - туберкулез. Удалили часть легкого. Так вот, эту больницу в своей жизни я не променял бы ни на что, и если бы мог, то поболел бы еще!

Мир тут воспринимается по-другому, нужно просто настроиться на эту «волну». Здесь, что бы ты ни делал, осознаешь, что это не ты сам этого достиг, а это «сделано» - через тебя. И для тебя.

Например, тот объем работ, который иногда выпадает на день, кажется невозможным для человека. Вечером посмотришь и думаешь: «Да как же я это все сделал?» Сам-то ведь, точно, не мог!

Здесь вопросы, которые тебя долго мучили, вдруг получают разрешение через случайное попавшие в руки книги, бытовые проблемы - через

«ниоткуда» пришедших людей. Здесь, как в сказке, как в другом измерении, постоянно происходят маленькие чудеса, и на них уже даже не обращаешь внимания. Некоторые вещи, происходящие тут, и словами нельзя описать - нет таких слов. Приедешь на время домой - и так этого не хватает. Сложно объяснить тому, кто этого не пережил.

Здесь ты чувствуешь, что Бог есть, что Он рядом, и что Он тебя любит. Если присмотреться, это просто видно. Даже «болячки» воспринимаются как какой-то педагогический процесс, который необходим, прежде всего, для тебя самого. Ходишь в залатанной фуфайке, в резиновых сапогах, а в душе-то... В душе постоянная радость.

Звали меня как-то на Афон - не поехал. Здешней радости и без того на всех хватает...

ПРИЗНАНИЕ МОНАХА

«...Церковь - это преодоление одиночества.

Моя душа нашла здесь то, чего так долго искала, - содружество, сообщество людей, объединенных одной целью: вместе жить, вместе переносить хорошее и плохое. И вместе молиться.

В Оптиной, когда все только начиналось двадцать лет назад, почти ничего не было, нищета, людей было мало, но лишения нас только объединяли. Все знали друг друга, постоянно ощущали братское плечо. Это было уникальное время, «время вдохновения». Призывающая благодать, сопутствующая новообращенным, давала такие силы, что все тогда летало, как на крыльях!

Я говорил с одним паломником - и тот мне рассказывал,

что объехал много монастырей, но такого, как наш, не встречал. Это всегда было загадкой для меня, почему миряне всегда, почти во все эпохи массами ехали жить при монастырях, хотя особой загадки тут и нет. Монастырь - это резервуар духовной жизни, и миряне едут сюда прикоснуться, зачерпнуть себе кусочек этой благодати, прикоснуться хоть краешком к жизни монаха.

Я стараюсь особенно не разделять мирян и монахов, живущих здесь. Каждый человек несет в себе образ Божий, и живем мы одной семьей. Бывают встречи, когда просто чувствуешь, что это все происходит прямо по воле Божьей, что тот, с кем ты встретился, теперь человек твоей жизни, за которого ты будешь молиться всегда...

P.S.

КРАЙ, ГДЕ РОЖДАЮТСЯ СВЯТЫЕ

Три дня и две ночи. Достаточный ли это срок, чтобы что-то понять о жизни этого удивительного, единого, живого существа - Оптиной пустыни? Не знаю. Но оставаться дольше мне нельзя было никак: дома ждала работа, надо было писать статью, на выходные была назначена встреча...

При расставании отчего-то слегка щемило сердце. Наверное, оттого, что там, куда я возвращаюсь, в обычный, светский мир, не будет встреч с этими запредельными людьми. Так работающими, так молящимися, с такой улыбкой рассказывающих о самом тяжелом и страшном в своей жизни. Так живущими. Не встретить их у нас, в «миру». Они, наверное, все здесь, в монастыре Оптина пустынь, явившем столько великих святых. Старец Амвросий, старец Макарий, старец Лев...

Край, где рождаются святые. Край, где чудо становится повседневностью. Край почти за пределом естества...

На полдороге к автобусной остановке оборачиваюсь. Оптина при свете дня так же красива, как и при звездах. Вдыхаю воздух полной грудью. Он уже не обжигает легкие, как тогда, три дня назад: морозы явно идут на спад.

И, кстати, уже совсем не далеко до Рождества.

Станислав ПАВЛОВ.

ВЕРА МОЛОДЫХ

В Лондоне открылась выставка старых, исчезнувших из Сети сайтов, демонстрируемых на машинах, для которых они создавались. Коллекционирующий их компьютерщик Джим Бултон называет свои изыскания первыми археологическими раскопками веба.

Отныне археологи будут копать не только в глине и песке. Информация в интернете — это такой же исторический памятник, как какой-нибудь черепок времен позднего палеолита. Когда-нибудь инфоархеологи, разгребая виртуальные ископаемые, будут изучать электронные отпечатки наших душ — персональные странички, «Живые журналы», корпоративные сайты, — как изучают древних ящеров по отпечаткам на камнях.

Мы привыкли считать мир на экране компьютера эфемерным и ненастоящим, но вполне может оказаться, что эти виртуальные слепки — все, что останется от нас потомкам. Материальное недолговечно (много ли вещей досталось нам от прадедов?), а Сеть помнит все.

Сотни миллионов пользователей социальных сетей ежедневно оставляют после себя терабайты информационного мусора, и он нигде не исчезает. Мы меем виртуальную территорию. Еще десять лет назад футурологи представляли Сеть будущего как царство анонимности, где каждый может стать кем угодно. Оказалось, никому не нужны анонимность и тайна личной жизни — люди хотят быть в Сети не кем угодно, а собой. Нам нужно, чтобы нас заметили, все хотят быть звездами. Это придает уверенно-

сти в своем существовании, дает хоть какое-то чувство собственной значимости.

Социальные сети стали главным и очевиднейшим трендом нашего времени (инфоархеологи так и будут о нем говорить: «эпоха социальных сетей»). Поколение тамагочи сегодня пестует своих электронных двойников: старики — в «Одноклассниках», а дети — в «ВКонтакте», художники — в «Фейсбуке», а мыслители — в «ЖЖ», чиновники — в «Твиттере», а альтернативщики — в каком-нибудь «Тифаретнике».

Трансгуманисты, ищущие технологического освобождения из плена телесных ограничений, мечтают о «загрузке» — этим словом они называют перенос сознания в Сеть, бессмертие души в виртуальном мире. Многим из них кажется, что если создать точную информационную копию своего «я», то сознание чудесным образом сможет переместиться из тела в Интернет, как в старом добром фильме «Газонокосильщик». Попытка убежать от давления материальности и времени, перенести жизнь в Сеть становится одной из главных утопий и маний нашего века. Время течет слишком быстро, но слова, сказанные в Сети, не исчезают, даже если исчезает их автор.

Ведь там не только знакомятся, крутят романы, ссорятся и дела-

НОВЫЕ ТЕХНОЛОГИИ МЕНЯЮТ НЕ ТОЛЬКО ЖИЗНЬ, НО И СМЕРТЬ

АРХЕОЛОГИЯ ВИРТУАЛЬНОСТИ

ют покупки — в Сети умирают. Пару лет назад так умирал Роберт Антон Уилсон, культовый писатель и футуролог: в последний день своей жизни он прощался с тысячами своих виртуальных друзей, грустно шутил, а люди без конца писали, как любят его и как надеются встретиться где-нибудь Там... Помню, в девяностые кто-то рассказывал про обычай класть в могилу новых русских мобильник — братаны могли звонить покойному и печально слушать гудки... Сегодня популярней байки о том, как людей шокируют сообщения от имени умерших друзей, об электронных призраках, иногда вступающих в контакт с живыми.

Появляется все больше страниц, посвященных памяти умер-

ших, электронных мемориалов и сервисов, выполняющих ритуальные услуги — вроде посмертной публикации в Сети завещания. Но главную часть виртуальных надгробий мы создаем себе сами, ведь наши информационные слепки переживут нас и станут нашими памятниками.

Все чаще друзья приходят не на могилу, а на страницу покойного — там ведь осталась частичка его души, он сам ее туда старательно вкладывал. На виртуальной «стене» покойного пишут слова скорби, делятся воспоминаниями о нем. Бережно хранить память об умерших — специфически человеческая черта, может быть, единственная, зачатки которой не найдены у животных. И если цель могилы — сохранять память

об умершем, то виртуальные памятники решают эту задачу куда лучше традиционных захоронений. Через несколько десятилетий блоги и социальные сети превратятся в гигантские кладбища.

А сегодня память о смерти означает, помимо прочего, сознание, что какой-нибудь мой злобный пост в блоге может оказаться последним — с него мои правнуки начнут знакомство со мной, а дурацкая картинка, которую я использую в качестве аватара, может остаться моей визитной карточкой в вечности. Впрочем, в один прекрасный день все это тоже исчезнет...

Андрей КОНСТАНТИНОВ.
Журнал «Русский репортер».

ТОЧКА НАД "И"

Христианство всегда подчёркивало огромную значимость и ценность слова. «В начале было Слово...» — так начинается Евангелие от Иоанна. «От слов своих человек оправдывается, и от слов осудится», — предупреждает Своих учеников Христос. А по преданию, бесы, сопровождающие человека при жизни, «записывают» за ним не только его дурные дела, но и всё им сказанное — злое, необдуманное и даже просто праздное...

ПЕРЕД СУДОМ

ЧЕЛОВЕЧЕСТВО САМО СОБИРАЕТ НА СЕБЯ КОМПРОМАТ

Теперь, похоже, надобность в таких списках отпала. Люди сами взяли копить на себя словесный «компромат». «Слово не воробей: вылетит — не поймаешь!» — гласит старая поговорка. Но слово может быть «поймано» именно сейчас, когда человечество все больше заменяет живое общение короткими сообщениями, комментариями в «ЖЖ», электронной перепиской.

Многочисленные ком-

пьютеры, пейджеры, сотовые телефоны ловят каждое наше плохое настроение, каждую нашу «отдавленную мозоль» и ссору с другом, чтобы запечатлеть все, что вырвется у нас по этому поводу, в недрах своей памяти.

Действительно, много работы будет у «виртуальных археологов» будущего!

И сколько же шлама придется выгребсти нашим трудолюбивым потомкам из электронных бездн, чтобы

найти в этой мусорной куче хотя бы крупинцы ценных мыслей!

Технический прогресс, похоже, сыграл с человечеством очередную злую шутку. Например, очень сильно обесценил человеческую мысль. Поясню на примере.

В старину человек, купивший книгу (на телячьей коже, переписанную от руки!), отдав при этом за нее целое состояние, мог быть уверен, что написанное в ней имеет большую ценность — религиозную, научную или культурную. Просто потому, что на издание, простите, «фигни» никто не стал бы тратить столько сил и средств.

Дешевая бумага и книгопечатание привели к появлению невозможного в прежние эпохи «бульварного чтива», «литературы для метро» и т.д.

А наступивший электронный век, похоже, если и не убьет серьезную философскую мысль человечества, то, по крайней мере, глубоко ее закопает. Засыплет ее слоем примитивных мыслишек и пустых слов, переполняющих Интернет, до которого разом дорвались все: террористы, шпионы, политики и сумасшед-

шие. Каждый из которых спешит запечатлеть на виртуальных просторах частичку своей «богатой» души.

Все-таки хорошо, что Сократ, Платон или Ньютон не дожили до Интернета. Сколько глупостей, хамства и откровенного бреда они не встретили в жизни! В том числе, и в свой личный адрес, приди им в голову завести в Сети собственные блоги.

Листая страницы виртуальных дневников, видишь, что и без того богатая культура общения людей упала катастрофически. То, что никто никогда бы не осмелился сказать другому в глаза, даже при встрече один на один, теперь с легкостью выплескивается перед очами миллионов. Понятно: когда ты живешь в Нью-Йорке, а твой оппонент, например, в Караганде, как приятно вылить ему на голову ушат грязи в комментариях! Осознавая, что тебе за это ничего не будет. Даже в глаза не плюнут. Прогресс...

И забывают, что все гадости, написанные ими, услужливо и злорадно хранит надежная электронная машина. Так сказать, на века.

Не думаю, что бесы потащат на наш с вами посмертный Суд блоки компьютерной памяти с гигабайтами нашего срамо- и пустословия. Богу не нужны вещественные доказательства человеческой немощи — Он и так видит насквозь каждую душу. И может быть, Он найдет для нас смягчающие обстоятельства, хоть в какой-то степени извиняющие наше хамство, глупость и самознание.

Но вот подумали ли мы о потомках? Что скажут они, усевшись когда-нибудь разбирать завалы наших с вами душевных отходов, громоздящихся на раздольях Интернета? Какими мы предстанем перед глазами будущего? Давайте задумаемся об этом уже сейчас.

Ведь, как показывает жизнь, люди склонны выносить своему ближнему приговоры куда строже и страшнее, чем самый Страшный из всех Божьих Судов. Люди не могут видеть чужие души — они видят только дела и слова. И судят исключительно по ним.

Павел ЛЕВОЧКИН.

Рисунок Андрея ФАНДЕЕВА.

ВЕРА
МОЛОДЫХ

Есть такие фильмы, в которых о Боге не сказано ни одного слова. Нет в них и Санта-Клауса в красной шубе на оленях и с подарками – всего того, что у многих людей ассоциируется с Рождеством. И вообще, за весь фильм на экране может не упасть ни одной снежинки, а всё его действие пройдет, например, в гигантском замкнутом терминале международного аэропорта.

И при всём том, кино это проникнуто таким неуловимо добрым и праздничным духом, что его хочется смотреть именно так: за весёлым накрытым столом, в кругу близких и родных людей, а за окнами чтобы непременно снег и Рождество...

Не так давно мне повезло увидеть один такой «рождественский» фильм. Вышедший больше десяти лет назад, он с удовольствием смотрится и сейчас, добрая и немного грустная сказка – комедия Стивена Спилберга «Терминал».

Главный герой фильма – некий условный «славянин» с советским паспортом Виктор Наворский (его играет Том Хэнкс) из некоей условной «республики Кракожи», переживающей кризис и смутные времена.

Скорее всего, режиссер решил обыграть традиционный для западного сознания штамп «загадочной славянской души», чтобы подчеркнуть абсурд той ситуации, в которую попал его герой: эдакий Иванушка-дурачок русских сказок, заблудившийся в бетонных джунглях Америки.

Как и положено Иванушке, Виктор Наворский, прибыв в нью-йоркский аэропорт, тут же попадает в ловушку. Пока он летел над океаном, в его стране произошел военный переворот, и новое правительство аннулировало прежние паспорта. Без документов его не пускают в Америку и ему не вернуться домой, где началась гражданская война. Ему позволено существовать лишь в терминале аэропорта, нейтральной зоне, ожидая, пока родина снова вспомнит о нем.

А еще все осложняется злым персонажем (куда же без него?). Американский чиновник, отвечающий за безопасность аэропорта, ожидает повышения по службе. Должна приехать проверочная комиссия, а у него в подведомственном зале застрял «сумасшедший русский» без гражданства, знающий по-английски только слово «Йес!».

И этот чиновник (лысый, тощий, желчный – настоящий Кошей Бессмертный в костюме) всеми силами пытается отделаться от свалившейся на него проблемы. Но Виктор Наворский, как истин-

ный Иванушка, своей славянской непредсказуемостью ломает все хитрые планы американского Кашея.

Одна сцена буквально наполняет гордостью за «наших». Отчаявшийся чиновник (его зовут Диксон) пытается заставить Наворского попросить политического убежища в США – тогда его можно будет с чистой совестью «сплавить» в другие инстанции. А для этого тот должен всего лишь признаться, что боится возвращаться на родину. И начинается очередной оборот комедии:

– В вашей стране идет война. Вооруженные люди на улицах! Нарушаются права человека! С вами может произойти все, что угодно!

– Да-да, конечно!
– Значит, вы боитесь?
– Чего?

– Кракожи!
– Нет... Там дом... Я совсем не боюсь от свой дом! (с английским у Виктора к тому времени уже чуть-чуть получше). Я боюсь привидений! Я боюсь Дракула!... Теперь мне можно в Нью-Йорк?
– Уведите его отсюда.

* * *

Застрявший в аэропорту, Виктор Наворский начинает обустривать свой нейтральный «островок». И при этом оказывается, что Иванушка – только внешне дурачок, для виду. Очень скоро выяснится, что Виктор профессиональный строитель, и ремонтирующие здание терминала бригады начнут буквально вырывать его друг у друга.

Появятся у него и друзья среди obsługi аэропорта (строго по законам политкорректности – мексиканец, негр и индус). Так же,

НАША СКАЗКА

ДЛЯ РОЖДЕСТВА

ЗАГАДОЧНАЯ СЛАВЯНСКАЯ ДУША В АМЕРИКАНСКОМ «ПЛЕНУ»

как появляются они у Иванушки в сказке – в отплату за проявленную доброту. Одному из них он, например, поможет завоевать любимую девушку.

А главное случится тогда, когда в качестве единственного переводчика Виктор (ведь он живет в аэропорту уже несколько недель) поможет какому-то бедолаге из Восточной Европы проехать через границу лекарства. Это лекарство должно спасти жизнь его отцу, но для вывоза необходимы справки, о существовании которых тот даже не подозревал. И вот для того чтобы утихомирить бьющегося в истерике человека, не понимающего, почему у него отбирают то, ради чего он летел сюда тысячи километров, и вызывают на подмогу Виктора. В его руках судьба человека.

Показательна реакция Кашея-Диксона, когда Виктор на полном серьезе начнет доказывать, что лекарства эти предназначены не человеку, а козе (на вывоз ветеринарных средств разрешения не нужно).

– Зачем вам это нужно? – почти шипит он, вглядываясь в лицо Виктора, словно пытаюсь прочитать на нем загадку этой таинственной души. Он искренне не понимает – зачем...

После этого с Виктором начнут здороваться все: и продавцы магазинчиков, и охранники, и уборщики. Почему? Потому что Виктор своим человеческим, именно человеческим поведением в этой бессмысленной и абсурдной ситуации, противостоит суконной казенщине, олицетворяемой чиновником Диксоном. Противостоит не силой, а добрыми поступками и юмором. Все-таки перед нами комедия.

* * *

А между тем, у нашего Иванушки должна появиться и своя Василиса, ведь без нее сказка будет совсем не сказкой. Так и в фильме появляется красавица – стюардесса Эмилия (Кэтрин Зета-Джонс).

Одинокая и, в общем, несчастливая принцесса, так и не нашедшая в небе своего принца.

«Все мужчины лгут!» – бросает Эмилия Виктору, подошедшему познакомиться с ней. С женщиной, которую он вот уже не первую неделю встречает в зале ставшего для него тюрьмой терминала...

И вот здесь, во время развития причудливого и красивого «аэропортного» романа Виктора и Эмилии, забавная и смешная сказка-комедия начинает грустнеть. Потому что в нее начинают поддувать холодный сквознячок настоящей, реальной жизни.

И в самом деле, что веселого в судьбе красивой, но уже отнюдь не юной женщины, чувствующей, как проходит ее жизнь, и так и не нашедшей в ней ни цели, ни смысла, ни даже надежной пристани?

«Вся моя жизнь – ожидание», – признается она Виктору. Он должен ее понять – ведь он сам живет в ожидании освобождения из своего нелепого плена. Да и все мы, вся наша жизнь – не такое ли ожидание в запертом терминале? Ожидание счастья, которое все ускользает и ускользает...

Вот и сейчас, сможет ли найденный Эмилией Иванушка-дурачок обернуться Иваном-царевичем, чтобы увести свою принцессу на белом коне (или хотя бы само-

лете)? Увы, Иван-царевич сам сидит в плену, а Кашей Бессмертный, похоже, не желает выпустить свою, хотя и до смерти надоевшую ему добычу...

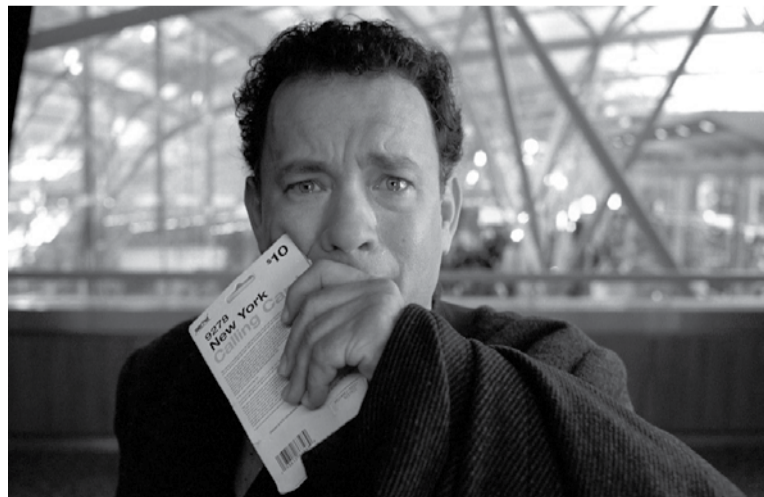
Лично у меня сложилось впечатление, что тот, кто писал сценарий к этому фильму, сам имеет славянские корни. Или у него были хорошие консультанты. Или он очень хорошо сумел вжиться в нашу культуру.

Потому что, присмотревшись, находишь в «Терминале» столько родного, с детства знакомого по сказкам и стихам, пусть и загримированного здесь под американскую действительность, что просто даешься диву, а в некоторых местах фильма просто хлопаешь себя по коленям: «Наша сказка!».

До конца пересказывать фильм я не буду. Иначе кому-то может стать неинтересно его смотреть. А посмотреть стоит, ведь там еще будет и радость победы, и горечь расставания, и крепкая дружба... и даже снег.

Да, снег в этом фильме все-таки будет, пусть и в самом конце. Как бы намекая, что все это происходит где-нибудь под Рождество. Самое время для таких веселых и слегка грустных сказок.

Павел ЛЕВОЧКИН.

ПОД ЛУПой

Мое паломничество в Грецию началось на следующий день после Рождества Пресвятой Богородицы. Те, кто бывал там ранее, сказали, что для таких поездок конец сентября и начало октября – время самое благоприятное, когда и солнце уже не так беспощадно палит, и море еще достаточно теплое для того, чтобы искупаться, если, конечно, на это останется время.

Домодедово провозжало нас промозглой сыростью и морозящим дождем, зато Салоники встретили безоблачным небом и ослепительным солнцем. Получив багаж, быстро садимся в автобус.

Красота пролетающих за окном пейзажей невольно притягивает взор. Горы, поросшие чуть тронутыми осенним золотом деревьями и кустарниками, сменяются великолепными долинами, переходящими в многочисленные оливковые рощи, виноградники, поля. Поражает обилие храмов. В каждом из разбросанных по горным склонам и долинам поселений, даже небольшом, среди красных черепичных крыш видны купола. Еще обращаем внимание на многочисленные сооружения в виде небольших церквушек возле некоторых домов. Оказывается, некоторые греки из любви к тому или иному святому ставят часовни прямо на своих участках, получая на это специальное разрешение у священноначалия. Размеры их очень невелики. Вместо двери с западной стороны имеется окошко, открыв которое можно увидеть несколько небольших икон и теплющуюся лампадку. Рассказывая о современной Греции, гид сообщает нам, что православное христианство является здесь государственной религией, и двенадцатые праздники – официально нерабочие дни. Невольно возникает мысль: «Вот бы и нам так же!» А еще на территории Греции в настоящее время действует около 1000 монастырей, и это притом, что население ее составляет немногим более 12 миллионов человек.

ВРИЗОНИ, ПАРОМ И РАДУГА

ВПЕЧАТЛЕНИЯ, КОТОРЫХ НЕ ЗАБЫТЬ

Удивительное место, где все буквально дышит молитвой. Огромные скалы с гладкими, точно отшлифованными отвесными склонами очень напоминают столпы, на которых монахи-столпники творили свой молитвенный подвиг. Когда здесь появились первые отшельники, искавшие уединенной молитвы, доподлинно неизвестно, а вот первый монастырь появился в XIV веке. Основатель его, преподобный Афанасий Метеорский, поднявшись на самую высокую из скал – Платис Литос («плоский камень») – был так поражен красотой, открывшейся его взору, что переименовал скалу в Метеорон («висящий между небом и землей»). При взгляде со стороны монастыри действительно кажутся парящими в поднебесной выси. Такая красота невольно вызывает в памяти строки псалма: «Вся премудростию сотворил Господь». Довольно долгое время подъем в монастыри осуществлялся с помощью веревочных лестниц и сетки «вризони», в которой с помощью лебедки поднимали посетителей, грузы и провизию. В некоторых монастырях «вризони» сохранились до настоящего времени – в них поднимают особенно почетных гостей.

Корфу До острова добираться на пароме, который почему-то напомнил мне «чудюдо-рыбу-кит» из сказки Ершова. Уж очень много техники вмещает в себя его «чрево»: автобусы, грузовые «фуры», многочисленные «легковушки». До гостиницы добираться уже в сумерках, а пока расселяемся, темнеет окончательно. Несмотря на это, после ужина дружно отправляемся

купаться. Вода настолько чистая и прозрачная, что даже при свете луны видны лежащие на дне камни. Греки смотрят на нас, как на сумасшедших, а мы радостно барахтаемся в соленой воде...

Утром едем в базилику святого Спиридона Тримифунтского на Литургию. Довольно непривычно видеть в храме женщин без традиционных для нас платочков. Оказывается, разрешение на пребывание в храме женщин с непокрытой головой появилось в Греции во времена почти пятисотлетнего турецкого владычества. Тогда гречанки, чтобы отличаться от турчанок, сняли с себя платки. Так это и сохранилось до наших дней. Еще обращаем внимание на то, как нарядно, даже торжественно все одеты. Это тоже традиция – приходиться на службу во всем самом лучшем и красивом. После молебна с трепетом прикладываемся к открытым мощам святого. Напоследок настоятель храма одаривает нас ладанками с частичками стоптанных башмачков святого.

Есть еще одно место на Корфу, которое не могу не упомянуть. Маленький храм, освященный в честь Крестителя Господня Иоанна, в котором с любовью сохраняются могилы русских солдат, освободивших остров в конце XVIII века от турецкого владычества. Во главе русского флота стоял тогда ныне прославленный в лике святых адмирал Федор Ушаков.

Бари Пожалуй, нет другого такого святого, которого бы у нас в России так почитали, как святого Николая. Пока едем к базилике, в душе появляется чувство волнующего трепета, которое бывает в ожидании

Ирина Ефремова.
Греция, осень 2010.

долгожданной встречи с кем-то близким и родным. Рака с мошами, огороженная со всех сторон стальной решеткой, находится в нижней части храма. Оказывается, служители базилики боятся, что без таких мер паломники разберут надгробие на камушки – слишком уж любим и почитаем святой Николай во всем мире. Появляется отец Владимир (руководитель русской духовной миссии в Бари), проходит в алтарь к раке и начинает молебен. Поет, что называется, всем миром: «Святителю отче Николае, моли Бога о нас!» После молебна нам тоже разрешают пройти и приложиться к раке святого. Счастью нет предела!

Когда садимся на паром, прекращается изрядно надоевший дождь и проглядывает солнце. В закатных лучах город становится похож на полотно художников Средневековья. Вдруг в небе неожиданно появляется огромная радуга, уходящая одним своим концом в сторону Греции. Вот так чудо! В Грецию возвращаемся, сопровождаемые радугой.

Ирина ЕФРЕМОВА.
Фото автора.

Остров Корфу.
Базилика
святого
Спиридона
Тримифунтского.

Порт в городе Бари.

Бари. Базилика,
где находятся
мощи святого
Николая
Мирликийского.

Метеоры. Монастырь
Руссану (великомученицы
Варвары).